

В. Ф. ГЕНИНГ

ЖЕНСКИЙ НАРЯД ПЕРИОДА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Опыт реконструкции)

Предлагаемая публикация представляет собой опыт реконструкции женского наряда по массовому археологическому материалу из двух могильников пьяноборской культуры (III в. до н. э. — II в. н. э.¹) — Ныргында II и Чеганда II, исследованных автором в 1954—1956 гг. Оба могильника расположены на правом берегу Средней Камы в пределах Каракулинского района Удмуртской АССР.

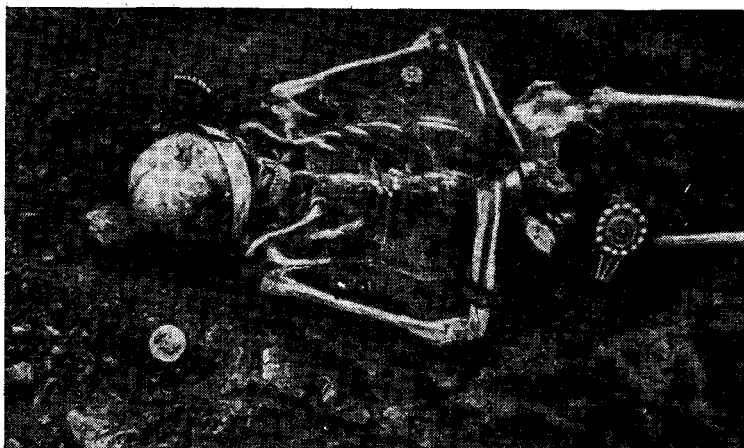

Рис. 1. Могильник Чеганда II. Погребение 17

Могильник Ныргында II известен уже давно, в 1898 г. А. А. Спицын вскрыл на нем 36 погребений², а в 1954 г. нами было исследовано 34 погребения³. Могильник Чеганда II открыт недавно и в течение трех лет полностью раскопан. Здесь вскрыто 220 погребений с 223 костями.

Пьяноборские могильники содержат почти исключительно всевозможные украшения. Оружие встречается изредка, орудия труда совершенно отсутствуют.

¹ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 57—73; его же, Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа, Труды КФАН, серия гуманитарных наук, вып. 2, Казань, 1959.

² Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., Л., 1933. Погребения, вскрытые А. А. Спицыным, в тексте обозначены (1898).

³ В тексте обозначены (1954).

Особенности погребального обряда, при котором умершего одевали в лучший костюм и со всеми украшениями помещали в гробу, сохранность первоначального расположения украшений, а также довольно удовлетворительная сохранность костей скелета позволяют с большой долей вероятности реконструировать женский наряд⁴.

Для реконструкции женского наряда нами использованы лишь те погребения, где вещи лежали неповрежденными и несмещенными (рис. 1).

Украшения женского пьяноборского наряда подразделяются нами на три основные группы: украшения головы, рук, шеи, т. е. вещи, не связанные с одеждой; всевозможные застежки одежды и обуви, пряжки ремней; украшения костюма — различные бляхи, подвески и прочие вещи, размещенные на костюме исключительно с целью его украшения.

Украшения головы, рук и шеи

Голову пьяноборские женщины покрывали, вероятно, платком, поверх которого носилась налобная повязка. Довольно часто, особенно в ранних погребениях, встречаются налобники из тонких медных пластин, слегка расширяющихся в середине

Рис. 2. Могильник Чеганда II.
Погребение 17

верхнего края. На концах пластин обычно по два отверстия, в которые продевались ремешки для завязывания (рис. 2). Целые медные налобники обнаружены в погребениях 17, 39 и 139 могильника Чеганда II и в погребении 8 (1898) могильника Нырғында II. Обломки их найдены в погребениях 28 и 176 могильника Чеганда II, но здесь они входили в состав украшений налобной повязки с нашивными бляшками.

Последние, возможно, имели жесткую основу из кожи или бересты, обтянутую тканью. Но нигде остатков такой основы пока не обнаружено. Повязки с нашивными бляшками — довольно распространенное украшение, остатки их известны почти из полутора десятков погребений. Сами повязки были, вероятно, близки по форме к медным налобникам, то есть несколько расширялись в середине. На наружной стороне повязки в середине пришивались медные бляшки-накладки в один или два ряда. Количество бляшек самое различное, от 3 до 16 штук, чаще всего они расположены в один ряд.

Своеобразны украшения повязки из погребения 20 (1954) могильника Нырғында II (рис. 3). В центре ее находилась обычная бляшка, по обеим сторонам ее — спаренная гофрированная полупроизка и две малые бляшечки. Погребение это относится к самому позднему периоду пьяноборской культуры.

На висках пьяноборские женщины носили медные подвески в виде вопросительного знака. Форма нижнего конца их в большинстве конусовидная, но изредка встречаются и листовидная, петельчатая и с напускной бусиной. Кольца височных подвесок диаметром 1—4 см, чаще

⁴ Рисунки для нашей статьи выполнены художницей Н. П. Костиной по эскизам автора.

всего разомкнутые. Лишь в позднепьяноборское время появляются подвески с небольшими замкнутыми кольцами. Каким образом носились подвески на голове, представить достоверно трудно, поскольку нигде остатков крепления их не обнаружено. Возможно, что они закреплялись на концах ремешка или тесемочки, перекинутой через темя, как это бывает в украшениях у чувашей и марийцев. Но не исключена возможность, что они вплетались непосредственно в волосы. Крупные разомкнутые кольца подвесок удобнее для такого способа ношения. Совершенно исключено, что пьяноборские височные подвески носились как серьги в ушной мочке (их бывает слишком много на одной стороне и размеры их довольно внушительные) или зацеплялись кольцами за ушную раковину (диаметр кольца не овальной, а всегда круглой формы и слишком мал).

Количество височных подвесок с одной стороны головы самое разнообразное и доходит до 12 (погребение 159 могильника Чеганда II). Никакой определенной закономерности в этом уловить пока не удастся. То же самое относится к общему количеству подвесок в одном наряде и их размещению на правой и левой стороне головы. В упомянутом погребении 159, где справа было 12 подвесок, слева была всего одна. Нередки случаи, когда все подвески находятся только с одной стороны (погребения 16, 28, 73, 193, 203 и др. могильника Чеганда II). Можно все же заметить, что справа подвесок обычно больше, например в могильнике Чеганда II в погребении 38

Рис. 3. Могильник Ныргында II (1954 г.). Погребение 20

справа было шесть подвесок, а слева три, в погребении 40 соответственно четыре и две, а погребении 192 — три и две и т. д.

В позднепьяноборскую эпоху изредка употребляется новый способ ношения височных подвесок. Примером этого служит погребение 20 (1954) могильника Ныргында II. Височные подвески здесь все имели замкнутые небольшие кольца (справа — 4, слева — 5), прикрепленные к петле ремешка, на который надето по две спаренные полупронизки и у верхнего конца — сапожковая пронизка. Вероятно, верхний конец с сапожковой пронизкой крепился к налобной повязке (рис. 3).

В других погребениях ремешок, на котором подвешены височные кольца, украшен бусами (рис. 2).

Шейные украшения представлены медными гривнами и ожерельями из бус, медных подвесок и бляшек.

Гривны круглопроволочной или спирально-витой формы находятся в погребениях обычно по одной (рис. 2), лишь в одном погребении 190 могильника Чеганда II слева от черепа лежало две гривны: железная и небольшие фрагменты медной — спирально-витой.

Ожерелья из низки бус бытовали довольно широко. Они состоят из одной, изредка двух ниток, обвивавших шею (рис. 4). Бусы в большинстве стеклянные и пастовые, медные употреблялись редко.

Большой интерес представляют ожерелья из медных бляшек и подвесок в сочетании с бусами. В погребении 12 могильника Чеганда II такое ожерелье состояло из двух ниток. На первую были надеты семь ромбических и одна круглая бляшки, а на вторую — стеклянные бусы.

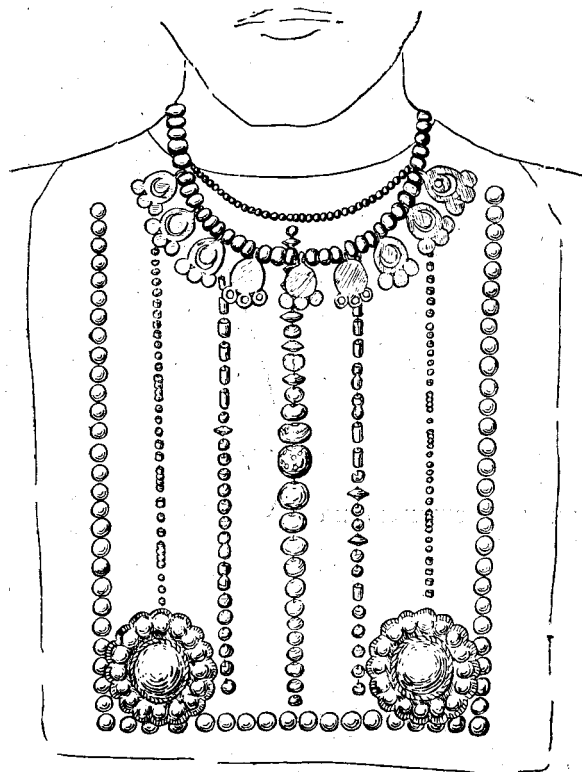

Рис. 4. Могильник Чеганда II. Погребение 15.
Ожерелье и нагрудник нижней одежды

Низка с бляшками плотно облегла шею, а с бусами висела более свободно. В погребении 15 того же могильника ожерелье также состояло из двух низок: на короткой были надеты стеклянные бусы, а на более длинной — девять медных подвесочек, перемежавшихся наборами из трех золоченых бусин (рис. 4). В погребении 185 было аналогичное ожерелье, но бусы медные и подвесок всего три. Не исключено, что здесь в ожерелье входили также медные бляшки среднего размера.

В ряде погребений могильника Ныргында II (раскопки 1898 г.) А. А. Спицын отмечает медные бляшки на шее⁵.

Браслеты в пьяноборскую эпоху бытуют плоско-выпуклые многорядные в раннем периоде, одно- и двухрядные в позднем. Материалом для их изготовления служили медь и железо. Оригинальны браслеты, сделанные из кожаной полоски, покрытой тонкими медными обоями (рис. 3). Браслеты носили исключительно женщины. Чаще всего их

⁵ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 19, погр. 29 и 30.

надевали на запястье правой руки (10 случаев). На левой руке, как и на обеих руках, браслеты встречаются редко (рис. 3). Перстни — сравнительно редкая вещь среди пьяноборских украшений.

Украшения костюма

Одежда, в которой хоронили женщин в пьяноборское время, была изготовлена, по-видимому, из ткани. Во всяком случае следов меха нигде не обнаружено, ткань же есть в ряде могил.

А. А. Гаврилова, производившая изучение куска ткани от верхней одежды из погребения 27 могильника Ныргында II, дала следующее

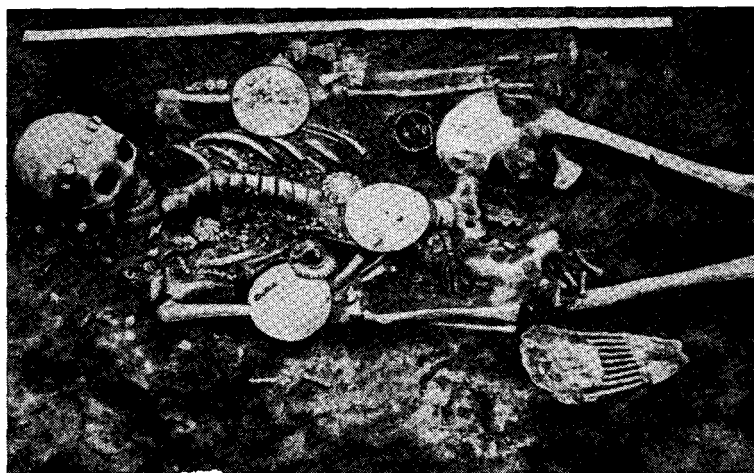

Рис. 5. Могильник Чеганда II. Погребение 15

предварительное заключение: «Репс уточный, темно-коричневого цвета: шерсть (?). Фрагмент прямоугольной формы 6,5×7 см, состоящий из сложенной в несколько слоев ткани. Пряжа основы и утка одинарная, закрученная вправо. Плотность нитей основы 10 в 1 см, нитей утка — 24 в 1 см». По ее мнению, плотность ткани достигнута повышенной плотностью нитей утка, что свидетельствует о невысоком уровне ткачества и местном происхождении тканей.

В пьяноборское время широко распространяется обычай украшения одежды всевозможными нашивными бляхами, подвесками и бусами.

Излюбленным украшением женщин были нагрудники нижней одежды. Трудно с полной достоверностью расчленить во всех погребениях украшения верхней и нижней одежды, поскольку в тех случаях, когда удается их обнаружить в неповрежденном состоянии, они лежат вместе в области груди. Однако в богатых погребениях можно видеть два «слоя» украшений. Приведем несколько примеров. В погребении 15 могильника Чеганда II непосредственно на костяке лежала масса мелких бляшек-накладок, бус и две крупные ажурные бляхи. Весь этот своеобразный нижний «слой» украшений относится к нижней одежде (рис. 5). Над этими украшениями, перекрывая две большие ажурные бляхи и ряды бляшек-накладок, лежали крупные бляхи из белой бронзы. На одну из этих блях частично налегала одной стороной медная бляха-за-

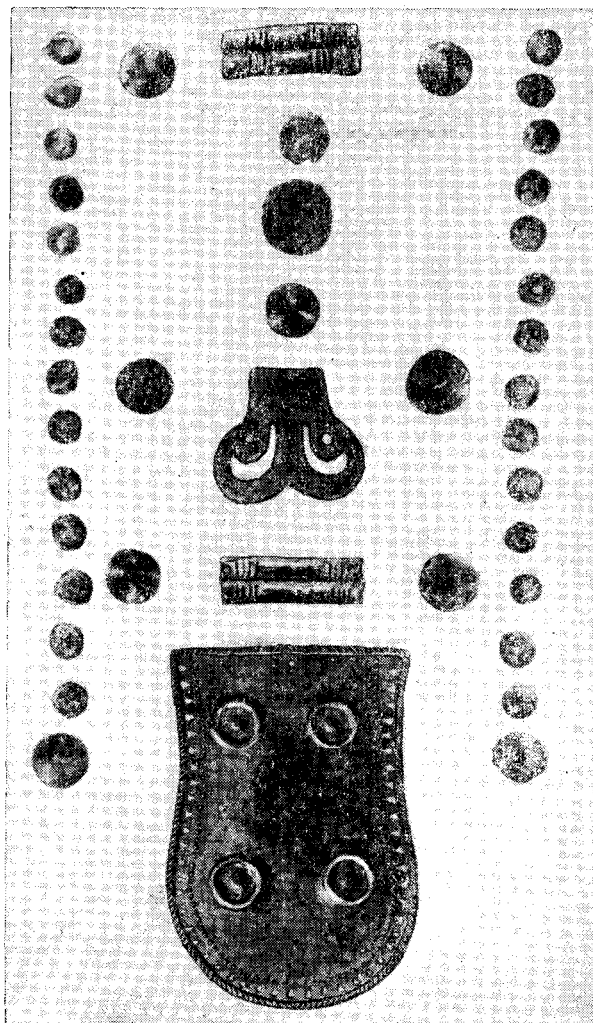

Рис. 6. Могильник Чеганда II. Погребение 190.
Нагрудник нижней рубахи

стежка. Все это составляет «верхний слой», который возможно связать только с верхней одеждой. В погребении 27 (1954) могильника Ныргында II две большие бляхи арочной формы лежали на слое ткани, под которым четко прослеживались четыре вертикальных ряда золоченых бус. Бляхи составляли украшение верхней одежды, бусы — нижней. В погребении 16 могильника Чеганда II справа лежал ряд нагрудных подвесок (рис. 7), частично перекрытых большой бляхой из белой бронзы.

Отметим, что крупные нагрудные бляхи очень часто лежат на костях рук. Подобное смещение наиболее вероятно в случае, если украшение находится на верхней одежде. Украшения нижней одежды, довольно плотно прилегающие к телу, как правило, остаются в области груди.

Эти наблюдения позволяют считать, что на верхней одежде носили лишь крупные бляхи, на нижней же был нагрудник из мелких бляшек-накладок, подвесок и бус.

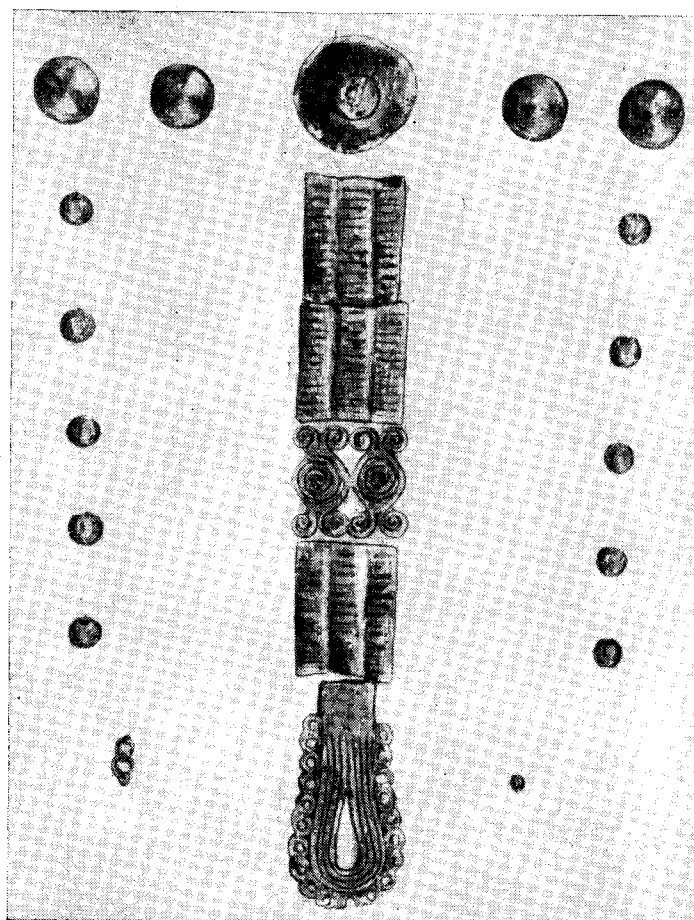

Рис. 7. Могильник Чеганда II. Погребение 16. Нагрудник нижней рубахи

Нагрудники нижней рубахи, судя по расположению на них украшений, имели прямоугольную форму. По устройству нагрудники могут быть разделены на три типа.

Первый наиболее распространенный тип — нагрудники, где все украшения пришиты наглухо вертикальными рядами. В могильнике Чеганда II остатки таких нагрудников зафиксированы в очень многих погребениях. В погребении 39 нагрудник состоял из двух симметричных половин, обшитых кругом бисером, а вверху рядом медных бляшек. Основное украшение с каждой стороны состояло из четырех медных спиралек, надетых на деревянную палочку, и двух ажурных накладок.

В погребении 73 нагрудник размером 15×15 см был украшен бусами и мелкими бляшками, составлявшими в нижних углах крестообразные узоры. В горизонтальном направлении между верхними бляшками было пришито девять медных бусин и между сходящимися концами — четыре стеклянные бусины. От крайних лучей крестообразного узора идет вертикальный ряд бус, между которыми над медными бусами находятся еще три ряда. В двух нижних рядах в центре помещены крупные бусины — золоченая и с шахматным узором. Остальные бусы преимущест-

венно мелкого размера и бисер. Цвет бус — золотистый, желто-лимонный, а в большинстве зеленый, синий и фиолетовый.

В погребении 190 нагрудник украшен исключительно медными вещами (рис. 6). По бокам он обрамлен рядами из мелких медных бляшек с бляшкой среднего размера на концах. Такие же бляшки находятся сверху по обе стороны от полупронизки. От полупронизки вниз спускаются три бляшки и подвеска, по обе стороны от которой снова помещены бляшки. Снизу центральный узор ограничен горизонтальным рядом из двух бляшек и полупронизки, аналогичным верхнему ряду, и большой пришитой бляхой.

Нагрудник в погребении 15 (рис. 5) по бокам и середине нижней стороны обшит мелкими бляшками. В нижних углах пришиты крупные медные ажурные бляхи. Внутреннее поле заполнено пятью вертикальными рядами нашивных бус, причем средний ряд составлен из более крупных. В погребении 192 находились две аналогичные погребению 15 крупные бляхи, но не было больше никаких украшений, которые можно было бы связать с нагрудником.

Несколько отличаются от описанного типа нагрудники, украшенные только вертикальными рядами обычно крупных бус. В погребении 27 (1954) могильника Ныргында II украшение его состояло из четырех рядов крупных золоченых бус. Аналогичный нагрудник был в погребении 7 того же могильника. В погребениях 167, 89, 27, 207 и многих других в области груди находились бляшки и бусы, составлявшие, вероятно, нагрудники, но реконструировать их невозможно из-за значительного смещения вещей. В детском погребении 23 нагрудник был украшен семью мелкими бляшками, одной стеклянной и восемнадцатью медными бусами, в центре всего узора находились три фигурки львов из голубого египетского фаянса⁶.

Второй тип нагрудников украшен обычно одной бляшкой и свободно свисающими низками бус. В погребении 65 могильника Чеганда II в центре нагрудника находилась ажурная накладка, а полукругом снизу висели ремешки: один с медными бусинами и другой со стеклянными. Концы обеих низок бус соединялись и крепились у плеч. По всей вероятности, совершенно аналогичное устройство имел нагрудник в погребении 160 того же могильника.

В погребении 25 на нагрудник сверху полукругом пришито 14 малых бляшек, в центре — ажурная бляха, вокруг которой свисают две низки мелких бус из меди (20 шт.) и из стекла (12 шт.) совершенно аналогично нагруднику погребения 65, но медные бусы здесь были снаружи. Может быть сходное устройство имел нагрудник в погребении 179, где по обе стороны груди лежали ажурные нашивные бляшки, а сверху было скопление бус, вероятно, также свободно свисавших в свое время вокруг этих бляшек.

Третий тип составляют нагрудники, украшенные набором подвесок. В погребении 16 могильника Чеганда II нагрудник сбоку был обшит медными бусами — по 5 штук с каждой стороны и внизу по одной стеклянной бусинке, а в верхнем конце каждого ряда пришито по две бляшки. Центральную часть занимает набор подвесок: сверху вниз расположены круглая бляшка, затем две гофрированные полупронизки, ажурная бляшка, еще одна гофрированная полупронизка и концевая подвеска (рис. 7).

В погребении 213 на нагруднике сверху висело шесть желтых бус, в середине которых находилась медная подвеска. По боковым сторонам

⁶ В. Ф. Генинг, Археологические памятники Удмуртии, рис. 23, 2.

нагрудника свисали наборы, нанизанные на ремешки: справа — из семи малых и одной средней бляшки с подвеской в виде трех спаянных бляшек с ушком; слева — из четырех бляшек, полупронизок в виде полуцилиндриков, «сапожков» и подвески, как на правой стороне.

Близок по устройству нагрудник из погребения 17 (1954) могильника Ныргында II. В центре его находился подвесной набор из полуцилиндриков, семи бляшек и «сапожка» на конце. Сверху набор обрамлен шестью медными и двумя стеклянными бусами с каждой стороны и рядом медных бляшек. По обе стороны подвесного набора пришиты ряды мелких бляшек.

Верхняя одежда пьяноборских женщин представляла собой, очевидно, что-то близкое к кафтану, сшитому из шерстяной ткани, остатки которого зафиксированы в погребении 27 (1954) могильника Ныргында II. Кафтан подпоясывался кожаным ремнем, а в верхней части спереди изредка застегивался при помощи застёжек типа фибул, или блях с игольчатыми застёжками.

Излюбленным украшением верхнего платья — кафтана — были нагрудные бляхи. В могильнике Чеганда II они обнаружены в двадцати пяти погребениях. Бляхи прикреплялись к одежде при помощи петель, которые имелись на обратной стороне, или при помощи игольчатых застёжек. Бляхи с отверстиями в центре притягивались к одежде кожаным ремешком, который зацеплялся за малую бляшку (рис. 3). Некоторые бляхи пришивались к одежде за два отверстия, пробитых по краям с противоположных сторон.

Чаще всего одежда украшалась одной нагрудной бляхой (шестнадцать погребений в могильнике Чеганда II). В этих случаях бляха прикреплялась, вероятно, в середине, а может быть и сбоку. В могильнике Чеганда II в погребениях 16 и 207 бляхи находились на правой стороне у плечевых костей, в погребениях 52, 122, 201, 211 — с левой стороны. В других погребениях они лежали в середине груди или в стороне от костяка. Довольно часто встречается по две бляхи на костюме. В могильнике Чеганда II это встречено в восьми погребениях. В таких костюмах бляхи укреплены симметрично на груди.

В погребении 15 могильника Чеганда II кафтан был украшен тремя крупными нагрудными бляхами из белой бронзы. Большое количество погребений, где костюмы украшены нагрудными бляхами, дает возможность проследить хронологическое их развитие. На ранних этапах нагрудные бляхи обычно небольшого размера и пришивные. Однако уже в этот период изредка встречаются литые медные бляхи крупного размера. Крупные бляхи, особенно с игольчатой застёжкой и из белой бронзы (рис. 3) употреблялись исключительно в позднепьяноборскую эпоху.

Изредка верхнее женское платье имело бронзовые украшения на рукавах (в могильнике Чеганда II четыре-пять случаев и столько же в могильнике Ныргында II). Обычно это бляшки среднего размера, нашитые в ряд от плеча до локтя. В могильнике Чеганда II в погребении 25 таких бляшек на левом рукаве было семь, на правом — шесть. Аналогичные украшения были в погребениях 7 и 17 (1954) могильника Ныргында II, в погребении 7 бляшки, возможно, были нашиты в два ряда. Значительное смещение вещей не позволило здесь проследить это с полной достоверностью. Иногда бляшки нашивались непосредственно от ворота до локтя (в погребении 15 могильника Чеганда II — по 9 штук с каждой стороны).

Насколько отличаются украшения в погребении 39 могильника Чеганда II, где на правом рукаве одежды был нашит ряд из ажурных

бляшек: одной треугольной, пяти ромбических и одной выпуклой среднего размера. Довольно оригинальны были украшения рукавов в погребении 18 (1954) могильника Ныргында II. На рукавах от плеч до локтя было пришито по два ремешка шириной до 1 см, унизанных обоймочками из выпуклых медных полосок шириной до 3—4 мм.

На локтевых изгибах рукавов полукругом, а может быть и замкнутым кругом нашивались рубленые трапециевидные бляшки. В погребении 15 могильника Чеганда II их было справа пять и слева десять штук, в погребении 20 (1954) могильника Ныргында II справа — десять, слева — девять (рис. 3). В погребении 39 могильника Чеганда II две рубленые бляшки малого размера были нашиты только на левом рукаве. В погребении 40 того же могильника бляшек было только две, одна из которых лежала у левого локтя, вторая у черепа; в погребении 167 одна бляшка лежала справа у таза.

Украшения имеют также обшлага рукавов (нижней или верхней одежды — невозможно определить при раскопках). Обычно это три медные бляшки, нашитые на переднюю сторону обшлага. Довольно четко это прослежено в погребении 15 могильника Чеганда II в погребениях 7 и, возможно, 2 (1954) могильника Ныргында II.

Украшение подола было встречено всего один раз в погребении 8 могильника Ныргында II в раскопках А. А. Спицына, который пишет: «между голеньями украшение подола из медных бляшек: 10 по паре горизонтально и 6 по 3 ряда вертикально»⁷.

Принадлежности костюма

Верхняя одежда подпоясывалась обычно кожаным поясом. Поясной ремень является принадлежностью как женского, так и мужского костюмов. Женские и мужские пояса различались шириной ремня, мужские — узкие, женские — широкие, с застежками. Наиболее характерными застежками женского ремня являются эполетообразные. Вопрос о назначении эполетообразных застежек, их месте в пьяноборском костюме оставался до последнего времени спорным. Одни исследователи считали эти застежки поясными крючками (Аспелин, Гейкель, Анучин, Худяков), другие — нагрудно-плечевыми застежками (Кондаков, Спицын, Тальгрэн, Смирнов).

Раскопки могильников Ныргында и Чеганда совершенно определенно показали, что эполетообразные застежки являются поясными крючками. На могильнике Ныргында II было обнаружено 6 экземпляров застежек и на Чеганда II — двадцать. В 24 случаях застежки находились в области таза или вблизи него, так что нет никакого сомнения в их применении как поясных крючков-застежек (рис. 1, 5).

Застежки носили чаще крючком влево (13 случаев) и изредка вправо. Но с этой особенностью не удастся связать ни хронологических, ни возрастных различий.

Единственно, что определяло способ ношения некоторых форм застежек — это наличие у одного из крайних жгутов припаянных колечек, служивших для подвешивания бус, как это хорошо было прослежено в погребении 27 (1954) могильника Ныргында II. В этих случаях застежка носилась так, что колечки находились снизу и к ним подвешивались короткие ниточки с мелкими бусами. В двух погребениях, где были обнаружены подобные застежки (Ныргында II, погр. 27 и Чеганда II, погр. 212), они носились крючком влево. Эполетообразная застежка прикреплялась к ремню при помощи костылька, находившегося на обо-

⁷ «Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.». Л., 1933, стр. 18.

ротной стороне задней круглой бляхи. В погребении 27 (1954) могильника Ныргында II сохранился кусок ремня под застежкой. Ремень имел небольшую, длиной в 1,5 см, продольную прорезь. Чтобы скрепить застежку с ремнем, ее поворачивали под углом в 90° и тогда костылек оказывался в одной плоскости с прорезью ремня, что и позволяло его вставить в прорезь. После этого застежка разворачивалась вдоль ремня и костылек, становясь поперек прорези, прочно удерживал ее на ремне. Второй конец застежки, имевший обычный крючок, зацеплялся за отверстие подвижного конца ремня, когда ремень надевался на костюм.

В позднепьяноборскую эпоху изредка у некоторых женских поясов в качестве застежек применяются пряжки из железа или меди. Крупные кольцевые застежки со шпеньком, как правило, также служили застежками женского поясного ремня. Ремни с такими застежками встречены в погребениях 30 (1898) и 18 (1954) могильника Ныргында II. В погребении 21 могильника Чеганда II пояс застегивался небольшой кольцевой застежкой со шпеньком, но обычно такие застежки употреблялись в мужских поясах.

Женский поясной ремень украшался медными накладками. Достоверно зафиксированы как поясные накладки лишь прямоугольные с зубчатым орнаментом. Однако в отдельных погребениях можно предполагать, что пояса украшались также круглыми выпуклыми бляшками среднего размера, соединенными по четыре, но это требует проверки. Известно несколько поясов с прямоугольными бляшками. На могильнике Чеганда II в погребении 19 на поясе находились 21 накладка и эполетообразная застежка, в погребении 52 накладок было 24 (пряжки или застежки не обнаружено), в погребении 77 пояс имел 20 накладок и железную пряжку; в погребении 190—12 накладок и железную пряжку; в погребении 201—9 накладок и медную пряжку. На могильнике Ныргында II в погребении 20 пояс с эполетообразной застежкой был украшен 28 прямоугольными накладками (рис. 3); в погребении 18 на поясе с кольцевой застежкой было 30 накладок. Украшение поясов медными накладками широко распространяется в позднюю пору пьяноборской культуры. Интересен способ их крепления. Накладок со штифтиками для заклепывания на ремне здесь совершенно нет. Все накладки имели обычно две петельки. Вероятнее всего, что накладки крепились следующим образом: в ремне делалось два поперечных надреза, куда вставлялись петельки накладок, а на оборотной стороне ремня через все петельки протягивался ремешок, который и удерживал их. В последующую за пьяноборской эпоху в Прикамье широко распространяется обычай украшения женских поясов накладками, но они всегда приклепывались к ремню при помощи штифтиков.

Остатков обуви в собственно пьяноборских могильниках нигде не обнаружено. Однако раскопки могильников III—V вв. в Волго-Вятском междуречье, преемственность которых от пьяноборских вполне определена, дали ряд фрагментов исключительно кожаной обуви⁸. Интересно, что кожа была в свое время хорошо выделана и окрашена в ярко-

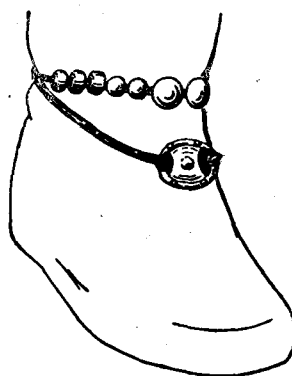

Рис. 8. Могильник Чеганда II. Погребение 9. Украшения обуви

⁸ В. Ф. Геннинг, Археологические памятники Удмуртии, стр. 90.

красный цвет. Надо полагать, что и в пьяноборское время также носилась кожаная обувь. Об этом же свидетельствуют часто встречаемые в женских погребениях на ногах у подъема застежки со шпеньком. На могильнике Чеганда II это было обнаружено в девяти погребениях и на Ныргында II — в двух. Застежки со шпеньком стягивали узкие ремешки, которые обвивались вокруг ног над щиколоткой (рис. 8). Это удалось хорошо проследить в погребении 29 могильника Ныргында II. Ремешок, привязанный одним концом наглухо к петле застежки, обвивался вокруг ноги и петлей зацеплялся за шпенок. Ремешок чаще всего был сложен вдвое, что облегчало закрепление его на шпеньке, где он концом протягивался в кольцо или дужку с левой стороны и зацеплялся за шпенок. Ремешки нередко украшались бляшками, бусами и пронизками. В погребении 15 могильника Чеганда II по бокам от застежки находилось по шесть В-образных пронизок и на пятках по крупной бляхе. В-образные пронизки были и в погребении 52. В погребении 9 ремешки у застежек украшены бусами и бляшками (рис. 8). На могильнике Ныргында II в погребениях 7 и 17 (раскопки 1954 г.) у ног лежали накладки, возможно, также украшавшие ремешки обуви, но застежек в этих погребениях не было.

Таким образом, анализ массового археологического материала из могильников Чеганда II и Ныргында II позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать основные черты и особенности женской одежды и ее украшений, характерные для представителей пьяноборской культуры.

SUMMARY

On the basis of an analysis of archeological material from two burials of Pyanoborsk culture — Nyrgynda II and Cheganda II (Udmurtian Autonomous Soviet Socialist Republic), the author of the article was able to reconstruct the main patterns of women's clothing and their adornment in the period under investigation (3rd century B. C.—2nd century A. D.).